
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ
Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

Л. Г. Скородумова

О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе

Социальные бури 90-х гг. привели к перевороту в общественном сознании; коренным образом изменился и характер художественного творчества. Старые идеалы и стереотипы мышления уже разрушены, новые эстетические ценности еще не созданы. Одно ясно — возврат к единомыслию невозможен. Каждый новый этап исторического развития общества выдвигает своего героя, своих духовных вождей. Литература соцреализма, дышавшая историческим оптимизмом, оставила в наследство не только идеологические клише, но и реалистические приемы повествования, полифонию тем и жанров, подлинную летопись, зафиксированную широкую панораму событий эпохи. Высокий престиж литературного творчества, уровень мастерства и эрудиции писателей — это тоже наследие того времени. Соцреализм умер, но можно ли то же самое сказать о самом реализме?

Родилась поэтика «смутного времени». В качестве новой эстетической платформы современного литературного процесса Монголии провозглашен модернизм, как когда-то был декларирован соцреализм. Модернизм во всех странах мира становится доминирующим течением в искусстве. «Модерн» значит «новый». Интуитивно, с юношеской непосредственностью точно выразил характер модернизма молодой поэт Ч. Мөнхбаяр: «Шинэлэг бүтээл л хийж байвал миний хувьд боллоо. Модернизмын эрс зоримог шинэчлэлийн санаа миний уран бүтээлийн зарчимд яв цав нийцдэг нь үнэн» («Главное для меня — новаторство. Смелые новаторские идеи модернизма как нельзя более отвечают моим творческим принципам») [1]. Новая, «модернистская» литература — это литература молодого поколения, выполняющая роль прежде всего школы, лаборатории ремесла. Многие явления современной монгольской поэзии напоминают творческие искания Н. Гумилева, А. Ахматовой, раннего В. Маяковского, В. Брюсова, А. Белого, О. Мандельштама, других представителей эпохи серебряного века. Неслучайно эти авторы сегодня особенно популярны в Монголии, новые переводы А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама часто появляются на страницах центральных газет и литературных изданий.

Появление новых имен в поэзии, бурное обсуждение во всех газетах художественных исканий со-

временных художников слова, постоянная полемика, неутихающие дискуссии в прессе — свидетельство живого литературного процесса. Монгольская словесность развивается, живо реагирует на все, что происходит в обществе. Не всегда споры вокруг реализма и модернизма, выбора пути или «метода» имеют непосредственное отношение к литературе. Подчас стремление заклеить «формалистов», модернистов объясняется инерцией мышления регламентированного общества, привычкой к идеологическим клише. В таком случае неизбежна попытка привести всякое стихотворение к одному знаменателю. И важно это больше для критиков, теоретиков, но никак не для писателей, так как модернизм деструктивен по своей природе и отрицает вообще какие бы то ни было установки.

С другой стороны, новое — это и поминки по прошлому, плач на могиле соцреализма по крушению идеалов, но одновременно и желание выжить, то есть найти то новое, что позволит выделиться, отличиться, вырваться вперед. Молодая поросль ищет выход из тупика, пытается пробиться сквозь асфальт старых догм. Может быть, и прав О. Дашбалбар, называя модернизм современной поэзии «детской болезнью».

Современное поколение молодежи Монголии — это горожане всего лишь во 2—3-м поколениях, то есть, по выражению Ч. Мөнхбаяра, они могли создать поэтому только «литературу мигрантов» [1]. «Мы живем, — писал он в газете „Хөдөлмөр“, — в условиях промежуточной культуры — современный город не создал своих ценностей, не успел. Модернизм — чисто западное явление, и его нельзя проецировать адекватно на стиль творчества восточной литературы, традиционно связанной с патриархальным укладом, тогда как европейский модерн основан на многовековых устоях города. Стремление молодых поэтов к западным течениям в искусстве, постижению стилистики экзистенциализма вступает в противоречие с исконно восточным менталитетом — поэтикой восточной классики, выросшей из традиционного ассоциативно-образного мышления. Афористичность, символика, метафорика, аллегория исконно принадлежат к восточной поэтике». Западноевропейская культура с ее потребительской психологией, вещизмом

никак не сочетается с монгольской культурой и ее духовными приоритетами. Однако трудно противостоять наступлению массовой культуры западного образца, вестернизации, индустрии развлечений, рок-музыке, которые привлекают к себе молодежь. Истина, как всегда, посередине — в животворности монгольской национальной поэтики, в сочетании ее с лучшими образцами мировой классики. В истории литературы синтез национального искусства и художественного опыта других стран рождал шедевры. В монгольской литературе самыми яркими примерами такого сочетания стали поэзия Д. Равжи и проза В. Инжинаша. Конвергенция национальной литературной традиции с мировым опытом художественной культуры помогает монгольским писателям углублять и оттачивать свое национальное мастерство.

Время, конечно, все расставит по своим местам, надо надеяться: «...Яваандаа улирах цаг шигшээд тунгаагаад өгөх байлгүй дээ» [2].

Сейчас в Монголии выходит более ста названий различных газет, в большинстве своем относящих себя к «свободной» прессе. Журналистов, пишущих людей стало больше, чем новостей. У С. Есенина есть такие строки:

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Испытание свободой самое трудное для художника. Мы становимся свидетелями борьбы идей, направлений, в данном случае — реализма классического и нового роста, который пока не стал модернистским, и вообще новая литература, новая стилистика художественного творчества еще только формируется. Это начало пути, «весна литературы», ее «серебряный век».

Пока идет накопление художественного опыта, доминирует форма. Форма всегда национальна, быть может, приоритет формы над содержанием в литературе модернизма — это своеобразная самозащитная реакция культуры. Язык, миф, религия, искусство и наука — суть «символические» формы, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос. Но выбор формы диктуется самой действительностью, а не эстетикой. Очевидно, сегодня можно говорить о возрождении лирики, усилении лирического звучания в монгольской литературе. Лирический герой, несмотря на индивидуалистический характер протеста, чувствует себя органично вовлеченным в круговорот природной жизни и истории.

Ощущение бытия всегда неповторимо, каждая эпоха находит свои средства, свой язык выражения. Ибо возможности языка неисчерпаемы. Главное достоинство мировой литературы XX в. — тонкое мастерство слова. Для монгольской литературы, пожалуй, наиболее характерно смещение символики, метафоры и лирики, благодаря чему достигается утонченность поэтической формы. Стихи многих молодых современных поэтов (Г. Бадамсамбуу, Н. Бил-гүүн, С. Анудар и др.) насыщены метафорикой. Вся глубина мысли в современной поэзии модернизма сворачивается до одной метафоры.

Новаторский эксперимент в поэзии можно наблюдать в творчестве как молодых, так и опытных поэтов. Предметная связь слов часто заменяется ассоциативной, имеющей корни в исторической жизни слова. В качестве примера приведем несколько четверостиший, опубликованных в прошлом году в «Бил-гүүн судар».

Д. Урианхай [3, № 5]:

Ямба жаргал, эрх мэдэл дутуу
«Явган» заяа минь — наддаа Эрх чөлөө!
Яахав ээ, хялайх хун, хясах зөвлөнгөөс
Ясаа цайтлаа эс салаг, гомдохгүй ээ!

(«В моей бедной судьбе нет счастья, не властен я над нею, но она — моя свобода. Что ж, пусть косятся люди, пусть беды не оставляют меня, я не обижусь».)

Л. Дашням [3, № 5]:

Гун болдын аргамжаа
холын холд туузлан
Гувээ даван хулжиж
нарийхан зэрэг суумийнэ.

(«Мысли мои на привязи держат меня, в даль зовут. Через холмы и перевалы ведет тонкая нить дороги».)

Зашифрованность формы отражает близость поэтического и религиозного символов. С другой стороны, ломка формы приводит к эпатажу в поэзии Б. Галсансуха [4], З. Доржа. Поэты ищут себя и пишут об этом.

Б. Галсансук [3, № 4]:

Далд ахуйд сэтгэл минь одохуй
Дураар залгай амьдрал минь
Цэгцрэв. Нэг гэснийг хоёр гэн
Цэгнэхээ больж нэг утгээс
Түмэн утгыг хайж эхлэв.

(«Душа уходит в скрытый мир. Вольная жизнь моя закончилась. Сказав „один“, говорю „два“, но несть всему числа. Начинаю искать в одном слове много смыслов».)

Значительное место, особенно в поэзии молодых авторов, занимает любовная лирика, стихи с выражением чувства и чувственности весьма не характерны для монгольской литературы эпохи соцреализма. В лирике специфическое восприятие эпохи реализуется в виде особых знаков-символов: ночь, туман, луна, осень, реквием. Например: Т. Содномнамжил — «Хайр дурлалын мөнгөн сар» («Серебряная луна любви») [3, № 4], Д. Нямсүрэн — «Нэгэн намрын саран мэт» («Словно осенняя луна») [3, № 6]. Тема осени, печали, увядания, разлуки с любимым пронизывает многие произведения современных поэтов, например: Д. Цоодол — «Гашуудал нар хоёр» («Скорбь и солнце») [3, № 6], Д. Урианхай — «Реквием» [3, № 5], Л. Өлзийтөгс — «...Том улаан сар / Задрах улаан туяа» («...Большая красная луна / Превращается в россыпь красных лучей») [3, № 7], Ж. Баяржаргал — «Наян нэгэн мөнгөн шөнө хэмээх сул сэтгэлээр арвидсан шулгийн эрхэс» (Венок стихов, полных чувства: «Восемьдесят одна серебряная ночь») [3, № 6], Д. Ган-Очир — «Амрагаа утуйуж буюу Дэнгийн цуврал шулгууд»: «Ором биш саран...» («В тоске по любимой, или цикл стихов у светильника»: «Не след, но сама луна») [3, № 7], О. Дашбалбар — сборник стихов [5]. Апокалиптические мотивы характерны и для поэзии Б. Лхагвасүрэнэ, особенно в последние годы. Список можно было бы продолжить, но рамки обзорной статьи не позволяют углубиться в анализ творчества современных поэтов, хотя каждое из названных имен заслуживает самого пристального внимания литературоведов.

Современная монгольская литература отдаст предпочтение поэзии, так как это жанр, наиболее чуткий к реалиям бытия. С другой стороны, поэты чаще

стали обращаться к прозе. Так рождается синтетический жанр, появляются произведения художественно-публицистического и одновременно беллетристического направления в совершенно новой стилистике.

Бурный подъем волны национального самосознания, сопровождавший смену режима в стране в 1990 г., нашел свое выражение в литературе, постоянно напоминающей читателю о традициях предков. Теперь практически для каждого произведения, будь то проза или поэзия, обязательны присутствие Чингисхана и коня, тема почитания родителей, любование пейзажем, ностальгическое воспевание деревни и даже некоторая идеализация кочевничества. Эти темы служат как бы маркерами национальной культуры.

Осмысление действительности все больше уступает место ее символической трансформации. Появляется литература потока сознания. Интерес к подробностям чувства заменяет интерес к событиям — распадается традиционное построение сюжета, почти исчезает фигура автора. Интересный опыт в коротком жанре продемонстрировал молодой автор С. Аундар в двух рассказах, опубликованных в «Билгун судар» [3, № 6], — «Мууг хусснэр жаргал олохуй» («Желая зла другим, не станешь счастливым»), «Тэгэхдээ хадлан» («Итак, сенокос»). Надо сказать, что эти рассказы, представляющие собой внутренний монолог, принципиально отличаются от лирических миниатюр Д. Батбаяра и Д. Урианхая.

Пренебрежение к традиционным сюжетам также сближает современную монгольскую литературу с эстетикой модерна. Однако, наряду с усилением документального, публицистического начала в беллетристике, с активным развитием бессюжетной прозы, роман, прочно занявший место в современном литературном процессе Монголии, остается и в бурное переломное время одним из ведущих жанров прозы. Ведь роман — это не просто жанр литературы, но определенная философская система, понимание мира, форма для выражения мировоззренческой позиции писателя. Личность как протест против дегуманизации литературы и выхолащивания интеллекта выдвигается на первый план, поэтому и в прозе усиливается лирическое начало.

Таким образом, представляется возможным выделить несколько направлений в монгольской литературе 90-х гг.:

1. Историческая проза, которую характеризует возвращение к истокам, «запретным» темам. Названия большинства романов последних лет говорят сами за себя: «Даянчийн хяслан» (1994) («Горечь отшельника») Б. Пурэвдоржа, «Бурхан өршө» (1991) («Прости, господи») Б. Нямы, «Сэлуун орчлонгийн сиймхий» (1994) («Призрачность тишины») Б. Лхагвасурэна, «Бурхан багшаа худалсан нь» (1990) («Продали бога») Д. Гармы, «Дилав хутагт» (1994) («Хутухта Дилав») Л. Чойжилсурэна и многие другие.

Можно сказать, что «смутное время» принесло в литературный процесс Монголии настроение пессимизма, растерянности на смену уверенности и эмоциональной приподнятости «литературы исторического оптимизма» эпохи соцреализма.

2. Проза с явным публицистическим началом и документалистикой. Наблюдается возвращение традиционных для монгольской словесности композиционных и стилистических приемов, выразившихся в синтезировании в рамках одного произведения художественной публицистики, исторического факта и поэзии. В качестве примера можно привести книги «Хэрлэнгийн барьяа» (1991) («Силуэты Керулена») Ш. Сурэнжава, «Алтан овоо» (1993) («Золотое обо») Г. Мэнд-Ооёо, «Заяа дугуу бурхад» (1993) («Несчаст-

ные будды») Х. Зандраабайдия и некоторые другие. При этом Ш. Сурэнжав дает своему произведению жанровое обозначение **роман туурь** (досл.: роман-былина), Г. Мэнд-Ооёо — **судар** (досл.: повествование), а Х. Зандраабайдий — **хөрөг эссе** (досл.: портрет-эссе). Это свидетельствует о своеобразии развития новеллистики в современной монгольской литературе.

Развитие романного жанра в монгольской литературе XX в. проходило двумя путями: как совершенствование новеллистических форм — рассказа и повести и как дальнейшее развитие и углубление традиционного жанра **түүхэн уран зохиол** (досл.: историческая литература), который нашел выражение в создании крупных монументальных исторических эпопей в 80-е гг.

Использование в качестве формы сюжетного повествования крупных романных циклов есть дань национальной традиции летописания, исторических хроник. Обращение к масштабным объемным формам изображения можно наблюдать и в других пластах монгольской культуры, например, в музыкальной культуре — **уртын дуу** (досл.: протяжная песня), в фольклоре — **тууль** (досл.: история). Все это позволяет сделать вывод о своем национальном монгольском типе художественного мышления и некоей доминанте в области жанра как национальной форме художественного освоения действительности.

Несомненно, окрепшая философская и интеллектуальная насыщенность прозы обусловила развитие многообразных стилистических, в том числе условно-гротескных, приемов. Переплетение аспектов героя и автора создает сложный эмоциональный и экспрессивный рисунок. Изменяется сам подход к проблеме создания характера: индивидуализируется не столько внешний облик, сколько внутренний мир, анализ которого становится определяющим в образе. Личность как протест против дегуманизации литературы и выхолащивания интеллекта выдвигается на первый план, поэтому в прозе усиливается лирическое начало. Значительно возрос психологизм в изображении внутреннего мира героя с широким использованием монолога, исповеди и других приемов романистики.

Ориентация писателей на создание условно-притчевых, символических или мифологизированных сюжетов и ситуаций способствует развитию романтического направления современной монгольской новеллистики, связанного со сгущением семантики на малом словесном пространстве, которое создает в лирике особый возвышенно-романтический язык поэтической формы. Это, возможно, сыграет свою роль в складывании особого типа романа-символа, или изобразительного романа, хотя изобразительность, культивирование стиля характерны больше для западного романа, тогда как сюжетность, динамика действия, дробность детали — атрибуты восточного типа повествования.

Мы становимся свидетелями того процесса, который приводит к особенно интенсивному обновлению художественного опыта литературы. Этот процесс идет не только благодаря взаимовлиянию родов и жанров, он проявляется и в неожиданном для нашего века бурном возрождении метафорического мышления. Так или иначе, представляется, что и в дальнейшем на судьбы монгольской литературы будет оказывать влияние идущая от поэзии традиция органического сочетания лирического и реалистического начал. Другими словами, повествовательная проза, по всей вероятности, будет развивать традиционный жанр исторического романа **түүхэн уран зохиол**, а с другой стороны, продолжится развитие реалистической традиции.

Литература

1. Хөлөлмөр. 1995. № 28.
2. Унэн. 1995. 22. дек.
3. Билгүүн судар: Литературное приложение к газете «Ардын эрх». 1995. № 4; 5; 6.
4. См.: *Энхбаяр С.* Ирэх урсгал. Улаанбаатар, 1995. Книга содержит довольно подробный анализ стихов Б. Галсансуха. Первая глава так и озаглавлена: «Яруу найргийг шинэчлэхийн толоох 100 жилийн дайн буюу модернист фронт командлагч Б. Галсансух» («Столетняя война за обновление поэзии, или Командующий фронтом модернистов Б. Галсансух»).
5. *Дашбалбар О.* Цаг хугацааны гуниг буюу орон зай дахь дурсууд (Печаль времен, или образы в пространстве): [Сб. стихов]. Улаанбаатар, 1995.